

ТАЛАНТЛИВЫЙ КОЛЛЕКТИВ

СПЕКТАКЛИ ТАГАНРОГСКОГО ТЕАТРА имени А. П. ЧЕХОВА

Удаляясь, все тише и тише звучит мелодия военного марша. Три женские фигуры встали на переднем плане сцены. Стоят, тесно прижавшись друг к другу, две старшие сестры, на скамейке около них замерла младшая.

Слезы дрожат в глазах Ольги, шепелящая тоска сковала взгляд Машни, грустью и болью замуравлено лицо Ирины. Но светлая вера в будущее, в гармонию и радость, которые преобразят землю и людей, горит и в этих глазах, расширенных страданием, и в прекрасных, чистых словах, звучащих страстно и убежденно.

И, проникаясь горячим сочувствием к милым, честным, таким беспомощно-хрупким и несчастным сестрам, зритель еще больше проникается этой светлой чеховской верой, которая помогла писателю в трудные, безрадостные и мрачные годы разглядеть вдаль облик этой жизни, иных человеческих отношений.

Это сочувствие к страдающему человеку, эта вера в будущее и определяют звучание спектакля «Три сестры» — первой работы Таганрогского театра, приехавшего в Москву на смотр творчества театральной молодежи РСФСР. Носивший имя Чехова, играющий в родном городе Чехова, театр бережно и вдумчиво подошел к постановке одной из лучших пьес великого драматурга. Можно спорить с режиссурой об интерпретации пьесы по трактовке отдельных персонажей, но нельзя не отозваться с большой похвалой о чуткости и такте молодых исполнителей, талантливо и правдиво раскрывших образы чеховских героев.

Не все удовлетворяет в игре актеров. Лишь в третьем и четвертом актах П. Подвалова, играющая Ольгу, нашла те поступки убеждающие интонации и мямку, отсутствие которых сообщало некоторую искусственность ее игре в первых двух актах. Далеко не во всем удался образ Андрея

артисту П. Штейнштрайх, слишком односторонне обрисовавшему своего героя. Больше чеховского хотелось бы почувствовать в Ирине в том же первом акте (лучшая сцена у нее — это последнее объяснение с Тузенбахом, где она находит очень верные и теплые интонации). Но все же самое главное в образах чеховских героев исполнители сумели воплотить в своей игре. Молодость и чистота Ирины (артистка Л. Антонюк), ее тяга к труду, к живому делу, душевная толкостность и деликатность Ольги, ее глубоко скрытая от других драма уходящей молодости, честность и восторженно чистая вера в будущее, которая так сильна в Тузенбахе (Ю. Сазонов), мягкость, обаяние, человечность Вершинина (А. Глазырин) — все это нашло правдивое выражение в игре молодых актеров. Тротателем Чебутыкина в мягком полуплещип В. Волкова. Живые образы Федотика и Роза создали В. Шагов и П. Шаталиук. Запоминаются В. Пеналев (Кулыгин), а также Н. Троянова и Н. Аксенов в небольших ролях Афины и Феропонта.

Очень хороша Маша в исполнении Е. Солодовой. Не все можно принять в трактовке этого образа. Если драма Ольги — отсутствие человека, которого она могла бы любить, а драма Ирины — потерянный ключ от дорогого рояля, ее души, то страдания Машни — в невозможности свободно отдаться большому чувству, которое пришло к ней, уже связавшей свою судьбу с чужим, нелюбимым человеком. И тот чрезмерный акцент, который делает актриса на чисто женском влечении ее героини к Вершинину, несколько мельчит образ Машни, потому что не внешней же противоположностью ее мужу, а своей большой, красивой душой завоевал ее чувство Вершинин. Но искренность и глубина исполнения заставляют многое простить талантливой актрисе. Ее Маша покоряет и чисто женским обаянием, и той неудержимой тягой к счастью, которую так хорошо передает исполнительница, особенно в трудной сцене третьего акта, когда продолжительной немой игрой она заставляет нас почувствовать все, что происходит в душе ее героини, появляющейся, что она любит и любима. По креп-

Смотр театральной молодежи в Москве. На снимке: сцена из второго акта спектакля Таганрогского драматического театра имени Чехова «Памятные встречи». Слева направо — Надя (артистка Н. Подвалова), Разумихин (артист Ю. Сазонов) и Николай (артист С. Лавров). Фото К. ГРИГОРЬЕВА.

ности и силе чувства, тонкости и продуманности деталей этот образ, бесспорно, один из лучших не только в «Трех сестрах», но и во всех спектаклях, показанных театром. Все творчество Чехова проникнуто мучительным ощущением разрыва между той жизнью, какую видел вокруг себя писатель, и той, какую он мечтал ее видеть. Этим ощущением силен и спектакль «Три сестры», и именно здесь источник горячего сочувствия зрителей к его героям, хорошим, честным людям, задыхающимся в бездействии, в путях серой, бесцельной жизни.

Много интересного есть и во втором чеховском спектакле («Иванов»), который показал театр. Здесь также много актерских удач, живых, правдивых образов. Несмотря на некоторый нажим в сторону чисто внешней обрисовки образа, убедителен А. Глазырин в роли Шабельского. В особенности удалась ему сцена с Лебедевым в четвертом акте, в которой хорошо показана драма одиночества и полной душевной опустошенности этого жалкого старика, сопящего свою никчемность и ненужность. Не всюду одинаково глубоко играет Сарру Г. Вигулярная, но в лучших сценах артистка точно передает сложные переживания своей героини, пытающейся удержать уходящую любовь мужа, женственно-обаятельной и в то же время трогательно-жалкой, обреченной, глубоко несчастной. Колоритную фигуру прожигателя и авантюриста Боркина создает В. Волков, играющий очень легко и непринужденно. Есть живые штрихи и чувство юмора в игре А. Гушина (Косых) и Е. Савченко (Бабакина).

Интересен образ Шуры в исполнении

очень способной актрисы П. Шульмейстер. Артистка верно поняла самое главное в отношении ее героини к Иванову. Слушая ее горячие речи, обращенные к нему, мы ясно ощущаем, какую большую роль в увлечении Шуры Ивановым сыграла ее мечта о «подвиге», ее настойчивое стремление внушить себе, что она может и должна спасти этого человека. Исполнительница сумела показать, как много детски-наивного, романтически-восторженного в ее чувстве, и потому так убедительно звучит разговор Шуры с отцом в четвертом акте, когда с такой мучительной тревогой девушка начинает понимать свою ошибку.

Паряду со всем этим в спектакле много не только спорного, но и прямо уводящего от Чехова, и при этом в очень существенных пунктах.

В спектакле доктор Львов оказался положительным героем, чего больше всего боялся автор. Иванов же, человек незаурядный, при всей своей беспомощности, в исполнении Лаврова в сущности не вызывает сочувствия, его страдания непонятны зрителю, его судьба не заставляет задумываться над причинами преждевременной гибели честного, одаренного человека. А чтобы «поднять» в глазах зрителей Львова, театр не остановился перед купюрами чеховского текста в тех местах, где он слишком компрометирует героя. В частности, исключены из пьесы слова Шуры об авиационных письмах, которые рассылал Львов, убежденный, что в тут он поступает, как честный человек.

Из спектаклей, посвященных современности, театр показал «Первый гром» Мар-

гариты Алигер и «Памятные встречи» А. Утевского. Надо прямо сказать, что «Первый гром» не такой спектакль, который следовало бы показывать в качестве отчетного. Новая пьеса Алигер не может быть расценена плохо, как серьезная творческая неудача талантливой писательницы. Автору не удалось нарисовать правдивые образы молодых героев нашей современности, раскрыть богатство их внутреннего мира. В пьесе много искусственных положений, надуманных слов и переживаний, неправдоподобных ситуаций. Ошибку, которую совершил театр, приняв к постановке это произведение, он углубил и оплошным спонсоческим решением спектакля. Пьесу, написанную стихами, театр поставил как бытовую драму, в результате чего особенно ошутимым стал разрыв между формой и содержанием. И одаренные артисты, показавшие себя с такой хорошей стороны в чеховских спектаклях, в «Первом громе» вынуждены произносить слова, которых они не чувствуют изнутри, декламировать там, где им хотелось бы говорить просто и задушевно.

Пьеса «Памятные встречи» дает более благодарный материал для исполнителей. Но и в ней много схематизма и надуманности, пустых мест, ставящих перед актерами немалые трудности.

Вдумчивый и серьезный артист А. Глазырин сумел в ряде сцен поднять до уровня живой человеческой правды ту тему «встречи с самим собой», которая определяет развитие центрального образа спектакля — писателя Завьялова, оторвавшегося от жизни народа и с горечью ощущающего свою неполноценность в дни войны. Может быть, излишне подчеркнута, но в целом правильно рисует Н. Подвалова переживания дочери Завьялова Нади, мучимой стыдом за проявленную слабость духа в дни оккупации. Есть искренние нотки в игре В. Волкова (доктор Третьяков), С. Лаврова, исполняющего роль ослепленного немцами художника Николая. Живой образ ловко приспособляющегося к обстановке «дельца» Салаева создает артист В. Пеналев. В более трудном положении оказались актеры А. Серялев и Е. Савченко, которым лишь в немногих местах удалось преодолеть ограниченность авторского материала.

Наиболее яркими образами спектакля оказались Саша и Иппа (дочери Завьялова),

и жених Сашки — лейтенант Разумихин. Прекрасная игра Е. Солодовой и Ю. Сазонова выдвинула на одно из главных мест в спектакле тему любви-доверия, любви-уважения к близкому человеку. Созданный Е. Солодовой образ простой и честной советской девушки, сильной и гордой, умеющей глубоко и нежно любить и требующей от своего избранника не только любви, но и уважения, дружбы, завоевывает горячие симпатии зрителя. Так же привлекателен Разумихин в исполнении Ю. Сазонова, артиста разностороннего дарования, сумевшего одинаково убедительно нарисовать столь различные образы, как Тузенбах, Львов, молодой советский офицер. Скромность и даже некоторая застенчивость большого и сильного человека, глубина чувства, чудесная восторженность молодости — вот черты, пленяющие в его Разумихине. Великолепно проводят Солодова и Сазонов сцену встречи Сашки и Разумихина, дышащую высокой чистотой чувств и сыгранную с большой искренностью и силой.

В роли Иппы театр показал двух исполнителей — З. Жукову и О. Воробьеву. Иппа еще 16 лет, она во многом еще ребенок. Она дерзит отцу и матери, не умеет хранить тайны, наивно рассуждает о любви. Но в ней уже проступают черты честной, горячей юности, искренне возмущающейся фальшью, трусостью, мечтающей о подвиге и благородном труде. Обе исполнительницы хорошо справились с ролью, хотя и дали во многом непохожие рисунки образов. В исполнении О. Воробьевой на первый план выступают детские озорство, непосредственность, неугомонность, предприимчивость Иппы. Инна З. Жуковой внешне более сдержанна, и за ее выходками явственно ощущается пылкая работа мысли, стремление разобраться в окружающем.

Основное ядро Таганрогского театра им. Чехова составляют бывшие воспитанники Гитиса, окончившие институт в 1943 году. Годы совместной учебы и актерской практики тесно спаяли молодых актеров, и спектакли их радуют хорошей слаженностью ансамбля. Театр еще молод, у него есть ошибки и срывы, но лучшие его работы говорят о том здоровом и ценном, чем богат этот талантливый коллектив, о широких возможностях дальнейшего роста и совершенствования.

Н. КАЛИТИН.